

Визуальное измерение архетипов стратегической культуры Исландии

В.В. Воротников, Е.С. Панков

МГИМО МИД России

В статье предпринята попытка рассмотрения устойчивых характерных особенностей стратегической культуры Исландии с 1945 г. по настоящее время путём связывания стратегической культуры и национальной идентичности посредством анализа визуальной репрезентации образа «Другого» в исландской прессе. Рассмотрение политических карикатур позволяет сделать вывод о том, что для стратегической культуры Исландии характерно острое неприятие военных средств достижения политических целей, в то время как применение силы оправдано лишь для самообороны. Кроме этого, Исландии свойственна «оборонительная», а не «наступательная» модель реакции на внешние вызовы. Удалось установить, что в период с 1940 по 2024 гг. происходил постепенный переход США и Великобритании из разряда «чуждых Других» в число ценностных союзников, сформировавших новый — трансатлантический — слой идентичности исландцев. При этом в 1946–1991 гг. СССР, а в 1991–2024 гг. — Россия в глазах исландцев сохраняли место в числе культурных антиподов. Восприятие России при этом происходит через призму образов Холодной войны, характеризовавших ранее восприятие СССР. Для визуальных образов СССР и России характерна преемственность: по-прежнему широко используются «советские» визуальные метафоры и образ медведя — для обозначения жёсткого внешнеполитического курса. Новым «Другим» после 1991 г. стал ЕС, который сочетает в себе привлекательные и отталкивающие признаки, что отражает неопределённость позиции Рейкьявика по отношению к европейской интеграции. В свою очередь, для «Я—образа» исландцев характерно осознание скудности материальных ресурсов и стремление к преувеличению собственной материальной слабости на фоне зависимости государства от внешних проводников безопасности (прежде всего – США). Для образа международной среды — анархичность и опасность.

Ключевые слова: стратегическая культура, идентичность, Исландия, метафора, конструктивизм, символы, семиотика, карикатура, Холодная война

УДК: 355.45(491.1)“1945/2024”:316.77

Поступила в редакцию: 13.10.2024 г.

Принята к публикации: 15.12.2024 г.

Современная безопасность в Европе формируется под воздействием двух трендов — ускоряющейся «дробности» мировой политики и возвращения «жёсткой» силы в регион после февраля 2022 г. Для Исландии, государства без регулярной армии, но с ключевым геостратегическим положением на морских коммуникациях, эта дилемма приобретает экзистенциальный характер. Это обстоятельство актуализирует интерес к стратегической культуре Исландии как совокупности установок и практик, оказывающих существенное влияние на формирование её внешнеполитического поведения.

В данном контексте исследовательский интерес представляет вопрос о том, как трансформируются архетипы стратегической культуры Исландии в 1945–2024 гг. и какие устойчивые символы фиксируют отношение исландского общества к применению военной силы и внешним проводникам безопасности? Цель данной статьи — выявить долговременные архетипы стратегической культуры Исландии в 1945–2024 гг. через анализ визуальной репрезентации образа «Другого» в карикатурах национальной прессы. Научная новизна состоит в том, что репрезентация образа «Другого» в Исландии впервые изучается в контексте стратегической культуры и через визуальные источники.

Методологическая база сочетает семиотику, имагологию и историко-генетический подход. Эмпирический корпус сформирован путём сплошной выборки карикатур из четырёх ведущих газет, относящихся к разным частям политического спектра; каждая карикатура снабжена метаданными (дата, автор). Структура статьи подчинена логике поступательного раскрытия исследовательского вопроса. В первом разделе формулируется теоретическая рамка стратегической культуры малых государств и визуального анализа. Второй раздел реконструирует смену образов «Другого» до и после Холодной войны, результаты соотносятся с ключевыми внешнеполитическими событиями. В заключении авторы приходят к выводу о сохранении умеренного евроскептицизма в основе европейского вектора внешней политики Рейкьявика и о продолжении участия государства в многостороннем сдерживании Москвы как константах стратегической культуры Исландии на современном этапе.

1989 г. Д. Твайнинг назвал стратегическую культуру «отсутствующим измерением» познания СССР среди западных аналитиков (Twining 1989: 169) – с тех пор зарубежные учёные значительно продвинулись в его «обретении»: появились работы, посвящённые концептуализации этого понятия¹, которые легли в основу рассмотрения особенностей различных государств (Dalgaard-Nielsen 2005; Matlary 2006; Endres 2018), в том числе – России (Eitelhuber 2009; Kanet 2019). Отечественные учёные, основываясь на результатах разработки понятия

¹ Оно было введено в оборот Дж. Снайдером в (Snyder 1977).

«стратегическая культура» в работах Т.А. Алексеевой (Алексеева 2012), также стремятся дополнить теоретические достижения анализом особенностей отдельных государств (Воротников 2021; Лошкарёв, Кучук 2022; Чеков 2023). Тем не менее на карте страновых исследований до сих пор остаются белые пятна, одним из которых является Исландия.

В рамках реалистской парадигмы государство с численностью населения около 375 тыс. чел. и площадью территории в 103 тыс. км² могло бы рассматриваться как не обладающий внешнеполитической автономией покорный союзник лидеров НАТО. Однако непростая история взаимоотношений Рейкьявика с Вашингтоном и Лондоном в XX в. объясняет, почему в зарубежной историографии за Исландией закрепилось звание «союзника поневоле» (Nuechterlein 1961). Кроме того, именно Исландия в 1953 г. стала первым членом НАТО, заключившим долгосрочное торговое соглашение с СССР, а в 2013 г. – первой европейской страной, подписавшей соглашение о свободной торговле с КНР. На фоне этих проявлений «тирании слабого» нельзя переоценить меткое замечание Р. Кохейна о малых государствах: «Если лилипуты могут связать Гулливера и заставить его драться за них, изучать их нужно так же внимательно, как и самого великана» (Keohane 1969: 310).

И. Клейн определял стратегическую культуру как «совокупность распространённых среди военного руководства (выделено нами – В.В., Е.П.) убеждений относительно политических целей войны, а также <...> стратегии и методов их достижения» (Klein Y. 1991: 5)². Однако даже если рассматривать стратегическую культуру исключительно как культуру применения военной силы, то наличие у Исландии с 1949 г. формализованных военно-политических обязательств не позволяет согласиться с вытекающим из определения Клейна тезисом об отсутствии стратегической культуры у государства, не обладающего собственной армией. Помимо этого, гибридизация военных конфликтов, рост значения несиловых факторов военно-политической конфронтации и ужесточение санкционного противостояния России и Запада – его участником Исландия является с 2014 г. – также позволяют говорить о наличии у Исландии стратегической культуры – даже при максимально узкой интерпретации этого понятия.

В основе данного исследования лежит более широкое понимание феномена стратегической культуры, предложенное А.А. Кокошиным, в соответствии с которым она является «атрибутом не только вооружённых сил или государственной машины, а всего народа в целом» (Кокошин 2018: 160–161). Применительно к Исландии можно исходить из следующего определения: стратегическая культура – это «разделяемая группой индивидов уникальная совокупность

---

² Помимо И. Клейна, такой подход к определению стратегической культуры разделяет Б. Клейн (Klein B. 1988). Автор термина Дж. Снайдер носителем стратегической культуры называл «национальное стратегическое сообщество» (Snyder 1977: 8).

убеждений и практических подходов относительно применения военной силы, которая представляет собой результат уникального исторического опыта этой группы» (Longhurst 2018: 17).

Образ «Другого» как инструмент репрезентации национальной идентичности и стратегической культуры

Конструктивистская парадигма, поставившая в центр внимания проблему восприятия, придала особое значение культурным детерминантам поведения государств (Wendt 1995: 73–74). При этом разность подходов к оценке связи между поведением государств и их стратегической культурой стала причиной дебатов между представителями первого (Gray 1999) и третьего (Johnston 1999) поколений её исследования. Если, по мнению А. Джонстона, стратегическая культура как система символов (языка, аналогий, метафор и др.) лишь задаёт ограничения для внешнеполитических решений посредством формирования в обществе устойчивого подхода к определению параметров эффективности применения военной силы (Johnston 1995a: 36), то для К. Грэя, исходящего из расширенного понимания культуры как набора «передаваемых в обществе идей, взглядов, традиций, привычек и предпочитаемых методов работы» (Gray 1999: 51), понятия «стратегическое поведение» и «стратегическая культура» неотделимы друг от друга: ограничивая вариативность внешнеполитических решений, культура, по мнению Грэя, обуславливает и их содержание ввиду того, что индивиды принимают решения, находясь под влиянием культурной среды.

Однако оба эти подхода объединяет отнесение различий в характере реагирования отдельных социальных общностей на схожие внешние вызовы на счёт уникальных устойчивых характеристик культуры каждого из них, что соответствует логике изучения внешней политики государств через призму «национального характера» и идентичности. В этой связи некоторые современные исследователи заявляют о наличии связи между национальной идентичностью и стратегической культурой (Kuznar et al. 2023: 7–13; Larsen 2006).

В таком случае, несмотря на популярное среди исследователей стратегической культуры стремление концентрироваться на проблематике войны и мира, смещение аналитического фокуса на бинарную оппозицию «мы – они» – её оформление всегда предшествует политическому и силовому противостоянию государств – способствует расширению исследовательского поля за счёт опосредования понятий «стратегическая культура» и «национальная идентичность». При этом, если исходить из того, что «внешняя политика – это одно из проявлений многогранного процесса встраивания индивида в пространственно-временную конструкцию внутреннего и внешнего, собственного «Я» и «Других»» (Campbell 1992: 62), анализ устойчивых особенностей внешней политики государства через призму репрезентации «Другого» – понятия, лежащего на стыке стратегической культуры и национальной идентичности – удовлетворяет описанным позициям

представителей первого и третьего поколений исследователей стратегической культуры, поскольку образ «Другого» со всеми характерными для него признаками, с одной стороны, *ограничивает* вариативность внешнеполитических решений в конкретный момент их принятия, а с другой – его трансформация во времени является *результатом* взаимодействия государства с этим «Другим» в меняющейся международной среде.

Попытки рассмотрения дихотомии «мы – они» в контексте стратегической культуры предпринимались представителями второго поколения её исследователей: актуализацию образа «Другого» в национальной культуре они в граммшианском духе объясняли стремлением политических элит достичь собственных целей в русле *Realpolitik*, которое, в свою очередь, благоволил инструментализации образа «Другого» для конструирования внешней угрозы³.

Таким образом, концепт «Другого» находится на стыке трёх подходов к исследованию стратегической культуры.

Методология исследования

А.Я. Гуревич предлагал рассматривать культуру социума как «всеобъемлющую знаковую систему», в основе которой лежит «картина мира» – набор установок, неосознанно навязываемых индивиду обществом и разделяемых всеми членами социальной группы независимо от их мировоззрения или идеологии, который поддается анализу посредством рассмотрения знаковых систем, отражающих эти установки (Гуревич 1972: 15–16). Развивая этот подход, можно заключить, что стратегическая культура, будучи элементом «всеобъемлющей знаковой системы», может рассматриваться на основе анализа соответствующей ей части «картины мира» – знаковой *подсистемы*, ограничивающей вариативность восприятия «Другого» и, как следствие, внешнеполитических решений.

В соответствии с замечанием А.А. Кокошина о том, что стратегическая культура представляет собой устойчивый социально-психологический феномен, подверженный минимальным изменениям при смене политических элит и при более масштабных политических трансформациях (Кокошин 2018: 161), цель настоящего исследования состоит в выделении длительных архетипов стратегической культуры Исландии посредством рассмотрения визуальных знаков, которые используются для конструирования образа «Другого», и анализа символов и метафор, отражающих восприятие международной среды и положения Исландии в ней. Такой вариант решения исследовательской задачи соответствует также логике имагологического подхода к осмыслению роли восприятия в международных отношениях: распространённые в обществе устойчивые

³ Подробнее см.: (Johnston 1995b: 39–41).

образы и стереотипы о «Другом» всегда в той или иной степени влияют на действия политических субъектов. При этом в качестве единицы анализа могут выступать не только визуальные символы, но и непосредственно текст, содержащий вербальные свидетельства об этнических стереотипах и имидже «Другого» (см., например, Баталов и др. 2009; Курилла 2018).

Источниковая база данного исследования сформирована на основе политических карикатур из исландской прессы: использованы материалы, опубликованные в консервативной *Morgunblaðið*, центристской *Vísir*, социалистической *Alþýðublaðið* и коммунистической *Bjóðvillin*⁴. Полная подборка карикатур, использованных в ходе данного исследования, в порядке, соответствующем очередности упоминания в настоящей статье, доступна по адресу: www.archive.org/details/icelandiccartoons⁵. При указании подстрочной ссылки на карикатуру номер страницы в цифровой подборке приведён рядом – в квадратных скобках.

Использование карикатур для ответа на поставленный исследовательский вопрос позволяет рассмотреть объект исследования в русле «визуального поворота» в теории международных отношений (Callahan 2020). Как отмечают М.А. Кучеров и М.В. Харкевич, из-за распространения цифровых технологий рост влияния визуальных образов на международно-политические процессы привёл к усилению роли негосударственных субъектов в процессе конструирования и интерпретации внешних угроз — произошла «секьюритизация снизу», или «народная секьюритизация» (Кучеров, Харкевич 2023). Таким образом, анализ рисунков, созданных негосударственными субъектами, позволяет выйти далеко за рамки рассмотрения стратегической культуры исключительно через призму публичной риторики официальных лиц и вместо этого охарактеризовать устойчивые культурные факторы, которые побуждали исландских политиков к корректировке внешнеполитического курса.

Ввиду того, что политическая карикатура устойчиво закрепляется в массовых газетах Исландии после Второй мировой войны, хронологические рамки исследования охватывают период с 1945 г. по настоящее время.

Образы «Другого» в стратегической культуре Исландии

Соотнесение содержания политических карикатур с характером происходящих во время их публикации международных событий позволяет заметить: яркая актуализация образа «Другого» происходит в тех случаях, когда действия «Другого» затрагивают национальные интересы Исландии напрямую либо создают угрозу распространения потенциальной военной конфронтации

⁴ Timarit. *Landsbókasafn Íslands Háskólabókasafn*. URL: <https://timarit.is/> (accessed 24.10.2023).

⁵ Icelandic Political Cartoons, 1945–2023. *archive.org*. URL: <https://archive.org/details/icelandiccartoons> (accessed 24.10.2023).

на территорию острова (в том числе – воздушное пространство над ним). При этом журналисты не прибегают к визуализации образа «Другого» в условиях отсутствия непосредственного давления на Рейкьявик со стороны внешних раздражителей: в таких случаях наиболее распространены лишь уничижительные изображения популярных политиков в соответствии с общей логикой идеологической конфронтации Запада и Востока. Показательным примером в этой связи является статья из левой Þjóðvillin: рассказывая о выборах во Франции, журналисты поместили в текст реальную фотографию коммуниста Ж. Дюкло рядом с карикатурным образом его конкурента Ш. Де Голля (см. рис. 1⁶).

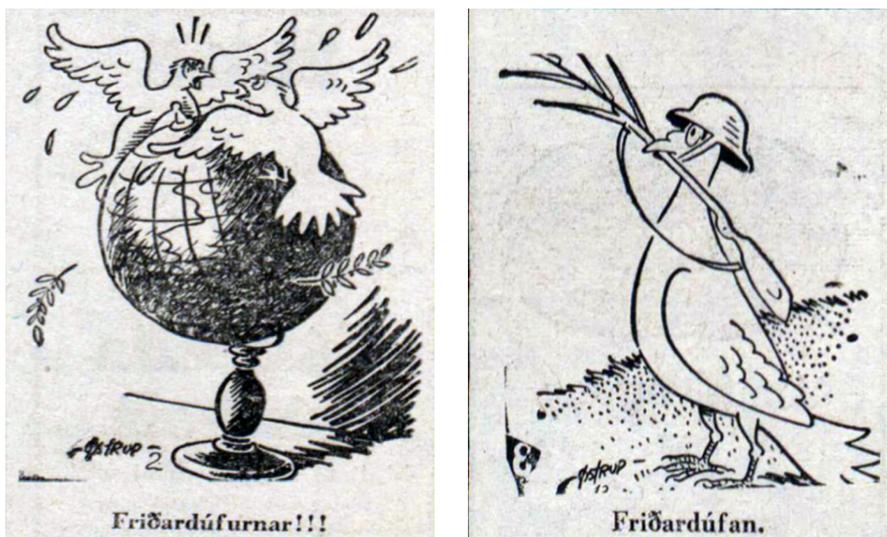

Рисунок 1. Изображение Ж. Дюкло и Ш. де Голля на странице газеты Þjóðvillin, 1951 г.

Figure 1. Jacques Duclos and Charles de Gaulle in the Þjóðvillin, 1951

В образах США и СССР в годы биполярного противостояния действительно прослеживаются метафоры войны и мира – отношение к ним является центральным элементом стратегической культуры. Среди наиболее популярных символов агрессивной политики выделяются *стрелковое оружие, ракеты, солдатская экипировка, самолёты, корабли и ядерная бомба*. При этом гораздо реже встречаются танки – этот вид вооружений не использовался бы в ходе потенциальных попыток завладеть территорией Исландии и, вероятно, поэтому в исландской карикатуре для визуальной репрезентации «Другого» образы сухопутной военной техники задействовались крайне редко.

С другой стороны, наиболее популярными символами мира являются *голубь и оливковая ветвь*. При этом для восприятия биполярного противостояния в исландской культуре характерно ярко проявляющееся на символическом уровне недовольство эскалацией международной напряжённости: привычные символы мира приобретают военную окраску: голуби, отбрасывая оливковые ветви, вступают в конфронтацию друг с другом либо предстают перед зрителем в военной экипировке (см. рис. 2^{7,8}). Своего пика этот процесс достиг весной 1951 г. – на фоне разработки и подписания американо-исландского соглашения о размещении военных США на базе в Кеблавике⁹.

Рисунок 2. Превращение символов мира в символы войны на фоне переговоров Вашингтона и Рейкьявика о постоянном размещении военных в Исландии, 1951 г.
Figure 2. Symbols of peace turn into symbols of war amid the US–Iceland negotiations about a permanent stationing of the US military in Iceland, 1951

⁶ Þjóðviljinn, 27.06.1951. Bls. 5. [P. 1].

⁷ Morgunblaðið, 23.05.1951. Bls. 3. [P. 2].

⁸ Morgunblaðið, 21.05.1951. Bls. 3. [P. 3].

⁹ Defense of Iceland: Agreement Between the United States and the Republic of Iceland, May 5, 1951. 1957. *American Foreign Policy 1950-1955: Basic Documents*. Vol. I. Washington, DC: U.S. Government Printing Office. P. 1677–1679.

В связи с этим для стратегической культуры Исландии в эпоху биполярности характерна своеобразная «раздвоенность»: левые газеты приписывают символы войны образу США, а знаки мира – СССР, консервативные издания поступают преимущественно наоборот, однако в подавляющем большинстве случаев изображения средств ведения войны используются именно для дискредитации «Другого». Схожий феномен замечен в годы холодной войны и в советской политической карикатуре (Мамедова 2013: 113) – в этом проявляется заимствование политических символов и практик, отражающее инкорпорацию исландской стратегической культуры в не свойственный ей до 1940-х гг. глобальный контекст.

Несмотря на то, что вокруг Второй мировой войны – она стимулировала экономический рост и не имела для Исландии такого разрушительного эффекта, как для большинства государств Европы и Азии – в исландской историографии сформировался ореол «приятной войны» (Hálfdanarson 2011: 79), образ оружия в исландской культуре обладает значительным дискредитирующим потенциалом: это связано с многолетней традицией нейтралитета, которая не прервалась даже после отказа Исландии от политики неприсоединения к военным альянсам в 1949 г.¹⁰ Значение традиции нейтралитета для исландской стратегической культуры демонстрирует имевший место в 1945 г. отказ Рейкьявика от символического объявления войны странам «оси» ввиду принципиального нежелания вступать в международный конфликт, что не позволило Исландии войти в число основателей Организации Объединённых Наций (Whitehead 2006: 56–57).

Что касается образа СССР, то символической константой его визуализации в исландской карикатуре является изображение медведя: использование этого животного как символа России, появившееся в английских газетах и закрепившееся в европейской карикатуре к концу XVIII в. (Хрусталёв 2011: 137), скорее всего, было заимствовано исландцами из бывшей метрополии – Дании. При этом медведь, символизирующий послевоенный СССР, предстаёт не ослабленным, а сильным и угрожающим: уже в январе 1946 г. – за несколько месяцев до Фултонской речи У. Черчилля и за более чем год до провозглашения «доктрины Трумэна» – журналисты *Morgunblaðið* изображали исландских коммунистов, несущих Королеву Гор (традиционный антропоморфный образ Исландии) на съедение советскому медведю (см. рис. 3¹¹).

¹⁰ Наиболее известным художественным выражением традиции нейтралитета в послевоенной Исландии является роман Х. Лакснесса «Атомная база» (Laxness 1948).

¹¹ *Morgunblaðið*, 22.01.1946. Bls. 2. [P. 4].

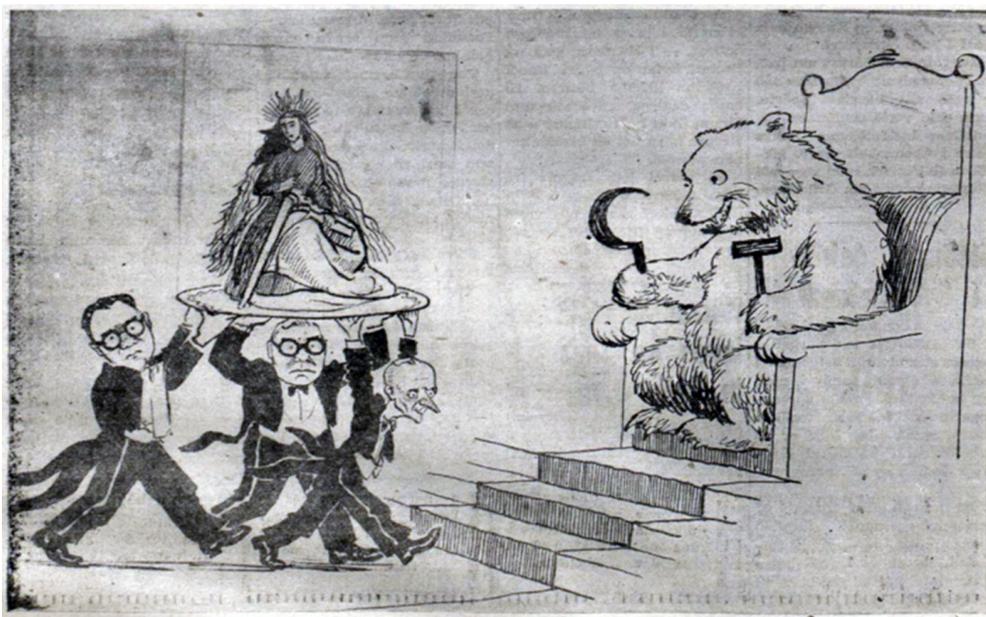

Рисунок 3. Коммунисты Исландии скармливают её советскому медведю, январь 1946 г.

Figure 3. Communists feed Iceland to the Soviet bear, January 1946

Поэтому медведь для исландцев – не столько общее олицетворение России, сколько символ жёсткого внешнеполитического курса Москвы. Так, в 1986 г. издание *Alþýðublaðið* выражало уверенность в способности М.С. Горбачёва «укротить русского медведя и заставить его танцевать в ритме гласности» – при этом на соответствующей карикатуре политик держит на поводке зверя, который во много раз больше него самого¹². В частности, во время августовского путча 1991 г. «старым русским медведем» издание *DV* называло Д. Язова¹³ – одного из кремлёвских «ястребов».

Изображение медведя, закованного в кандалы, как символ несвободы русского народа, в исландской карикатуре не встречается – несмотря на популярность этой визуальной метафоры в английской традиции (Успенский 2012: 92). Тем не менее сама по себе *цепь* тоже является ещё одним устойчивым компонентом репрезентации Советского Союза. С одной стороны, она символизирует жёсткую политику Москвы в сфере прав человека¹⁴, с другой – стремление советского руководства установить контроль над внешней политикой союзников¹⁵.

¹² *Alþýðublaðið*, 04.06.1988. Bls. 11. [P. 5].

¹³ *DV*, 20.08.1991. Bls. 6.

¹⁴ *Morgunblaðið*, 31.07.1949. Bls. 7 [P. 6].

¹⁵ *Morgunblaðið*, 18.05.1952. Bls. 9. [P. 7].

Помимо этого, советский медведь несколько раз появляется в исландских газетах с головой И.В. Сталина¹⁶. Анимализация Сталина развивается также через образ *мотылька*, летящего к огню – мировому господству, от стремления к которому уже погибли А. Гитлер и Б. Муссолини¹⁷. Таким образом, свойственное начальному периоду Холодной войны уподобление идеологических противников Гитлеру¹⁸ не обошло стороной и Исландию.

Другие лидеры СССР изображаются преимущественно с оружием в руках. По завершении начавшейся после смерти Сталина «первой разрядки» в карикатурах закрепился образ Н.С. Хрущёва, который вновь *исполняет «старые песни»*¹⁹: способствует эскалации международной напряжённости (разжигает кризисы вокруг Кубы и Берлина) и направляет *ракеты* в сторону США. На изображении 1956 г. над испуганными советскими гражданами нависает падающий с постамента памятник Сталину – аллюзия на события XX съезда КПСС²⁰.

Преемник Хрущёва Л.И. Брежнев *«хоронит»* Чехословакию и, превращаясь в *голубя*, направляет орудия на Китай, прикрывая агрессивные намерения *оливковой ветвью* миролюбивой риторики. При этом Москва, по мнению исландских художников, не отказывается от стремления установить глобальное доминирование коммунистической идеологии²¹.

Единственным «безоружным» руководителем СССР оказался М.С. Горбачёв: максимальный уровень «конфронтации» с его участием – игра в снежки с Р. Рейганом, где на каждом снежном шаре написано слово «да» как символ высокого уровня взаимопонимания, достигнутого политиками на саммите в Рейкьявике в 1986 г.²². Показательно также, что на одной из карикатур Горбачёв и Рейган изображены выходящими из самолёта вымышленной авиакомпании «Мирные авиалинии»²³.

США, в свою очередь, часто предстают перед исландской аудиторией в образе Дяди Сэма. Однако в коммунистической прессе ему сопутствуют символ *доллара*²⁴ и *ядерное оружие*²⁵. Карикатурный «первый американец» также изображён с кобурой на поясе²⁶, а инициатор «Стратегической оборонной инициативы» Р. Рейган – с космическим бластером²⁷.

¹⁶ *Morgunblaðið*, 22.01.1946. Bls. 15. [P. 8].

¹⁷ *Morgunblaðið*, 20.05.1951. Bls. 7. [P. 9].

¹⁸ См., например: Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля (18.03.1946 г.). 1997. *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 16. Москва: Издательство «Писатель». С. 25 («Черчилль и его друзья паразитально напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей...»).

¹⁹ *Morgunblaðið*, 27.09.1957. Bls. 7. [P. 10].

²⁰ *Morgunblaðið*, 05.06.1956. Bls. 4. [P. 11].

²¹ *Morgunblaðið*, 16.01.1980. Bls. 6. [P. 12]; *Morgunblaðið*, 20.01.1980. Bls. 6. [P. 13].

²² *Morgunblaðið*, 12.10.1986. Bls. 8. [P. 14].

²³ *Morgunblaðið*, 09.10.1986. Bls. 8. [P. 15].

²⁴ *Þjóðvillin*, 20.05.1951. Bls. 1. [P. 16]; *Þjóðvillin*, 09.05.1951. Bls. 1. [P. 17].

²⁵ *Þjóðvillin*, 20.05.1951. Bls. 1. [P. 16].

²⁶ *Þjóðvillin*, 20.08.1960. Bls. 7. [P. 18].

²⁷ *Morgunblaðið*, 10.10.1986. Bls. 8. [P. 19].

Однако, в отличие от советского, американское оружие может использоваться и для защиты Исландии. В частности, именно за спиной вооружённого американца безоружный исландец пытается спрятаться от напавшего на него англичанина²⁸ – это карикатура появилась на фоне четвёртого раунда дипломатического противостояния Рейкьявика и Лондона о разграничении морских пространств («тресковые войны»²⁹ 1958–1976 гг.).

Изображение признаков инаковости Великобритании в исландской карикатуре времён Холодной войны катализировали территориальные споры между правительствами Исландии и Соединённого Королевства – союзников по НАТО. Столкновения исландских рыболовецких судов с военными кораблями королевского флота привели к тому, что главным визуальным символом Великобритании в карикатуре стал крупный *военный корабль*³⁰, во много раз превосходящий по размеру изображаемые на его фоне лодки исландских рыбаков. На некоторых рисунках такие корабли окружают остров со всех сторон, что символизирует многократное силовое превосходство британского флота. Иногда они идут под *пиратским флагом* – символ подчёркнутой опоры Рейкьявика на международно-правовые нормы и нелегитимность действий британского правительства.

Помимо этого, важность сохранения контроля над районами рыбной ловли для исландской промышленности стала причиной изображения Великобритании в виде *тучного богача*, отбирающего еду у исландских рабочих³¹.

Однако неожиданные успехи Рейкьявика в реализации территориальных интересов (в 1976 г. ядерная держава в четвёртый раз уступила требованиям Исландии) позволили исландскому художнику изобразить Великобританию в виде *вооружённого льва*, которому премьер-министр Гейр Хадльгримссон отрезает хвост, – примечательно, что отрезанную часть тела он в качестве символа победы демонстрирует ликующей толпе, собравшейся под надписью «Северный совет» (см. рис. 4)³².

²⁸ *Morgunblaðið*, 15.05.1976. Bls. 2. [P. 20]

²⁹ «Силовая» коннотация закрепившегося в исторической науке названия политико-дипломатических споров Рейкьявика и Лондона не должна вводить в заблуждение: термин ввели в оборот англоязычные журналисты из-за его созвучия (англ. *Cod War*) со словосочетанием «Холодная война» (англ. *Cold War*). В действительности противостояние может быть квалифицировано скорее как межгосударственный спор с угрозой применения вооружённых сил (англ. *militarized interstate dispute*). Подробнее, см.: (Steinsson 2016).

³⁰ *Þjóðvillin*, 07.09.1958. Bls. 5. [P. 21]; *Morgunblaðið*, 18.02.1976. Bls. 6. [P. 22]; *Morgunblaðið*, 11.03.1976. Bls. 6. [P. 23]; *Morgunblaðið*, 12.10.2008. Bls. 30. [P. 24].

³¹ *Þjóðvillin*, 14.09.1958. Bls. 11. [P. 25]; *Þjóðvillin*, 06.09.1958. Bls. 1. [P. 26]; *Þjóðvillin*, 17.09.1958. Bls. 11. [P. 27].

³² *Morgunblaðið*, 09.03.1976. Bls. 2. [P. 28].

Рисунок 4. Геир Хадльгримссон демонстрирует партнёрам по Северному совету хвост поверженного британского льва, 1976 г.
Figure 4. Geir Hallgrímsson showing his Nordic Council partners the tail of a downed British lion, 1976.

Это проявление солидарности Исландии с другими государствами Северной Европы не случайно: в карикатуре эпохи Холодной войны скандинавские страны не изображаются в образе «Других», хотя до её начала – применительно к периоду активной борьбы Рейкьявика за независимость (первая половина XX в.) – таким «Другим» с уверенностью можно назвать Данию, метрополию Исландии³³. Скорее всего, это говорит о формировании второго слоя «матрёшки» коллективной идентичности исландцев: укрепление скандинавского компонента самоидентификации могло быть ответом на давление со стороны нескандинавских «Других» – США и Великобритании, которое выразилось в размещении на острове военного контингента во время Второй мировой войны (это решение критиковала значительная часть этнически гомогенного общества) и в дальнейшем втягивании Исландии в НАТО – вопреки массовым протестам местного населения³⁴.

³³ Этот тезис не поддаётся проверке с помощью использованной в настоящем исследовании методологии ввиду того, что политическая карикатура как газетный жанр и средство визуализации «Другого» закрепились в исландской культуре уже после обретения независимости.

³⁴ См., например: (Jóhannesson 2004: 117).

Примечательно, что после окончания Холодной войны образ США как «Другого» встречается в исландских карикатурах крайне редко. Это может свидетельствовать о формировании после распада СССР третьего – трансатлантического – слоя исландской идентичности.

После 1991 г. лишь радикальное отклонение администрации Д. Трампа от политического курса его предшественников побудило исландских художников актуализировать США в качестве «Другого». Военственная риторика республиканца привела к реанимации символов эпохи биполярности: *ракет и ядерного оружия*³⁵. Символом внешнеполитического стиля Трампа стала синяя птица, характеризующая нетрадиционный подход политика к дипломатической коммуникации (англ. *twiplomacy*) (Green 2022: 29).

В условиях стремительной эрозии инаковости США и распада СССР образовавшийся вакуум заполнила Европа – в биполярную эпоху проблемы европейской интеграции почти не волновали исландских карикатуристов³⁶. Актуализация Европы в качестве «Другого» не предполагает усиления конфликтности в отношениях Рейкьявика с европейскими государствами: об этом говорит отсутствие символов войны в карикатурном образе Европы. Рассмотрение визуализированных образов восприятия Старого Света в исландской культуре позволяет сделать вывод о том, что для характеристики места ЕС в стратегической культуре Исландии применима формула У. Черчилля, предложенная им для Великобритании в 1930 г.: «Быть с Европой, но не растворяться в ней»³⁷.

Такой двойственный характер подхода Рейкьявика к взаимодействию с континентальными партнёрами выражается в сосуществовании в образе Старого Света противоречащих друг другу визуальных символов.

С одной стороны, в условиях рецессии 2008–2011 гг. Европа стала для Исландии значимым раздражителем, что выражается через образы *падающего метеорита*³⁸ и *звенящего будильника*³⁹, тогда как кризисные тенденции в европейской экономике сформировали вокруг ЕС образ *нищего*⁴⁰ и позволили персонифицированному образу Исландии победить в направлении, противоположном европейскому⁴¹. С другой стороны, изображение Европейского союза в каче-

³⁵ *Vísir*, 31.07.2017. [P. 29]; *Vísir*, 06.09.2017. [P. 30].

³⁶ Для формулировки достоверных выводов о восприятии европейского интеграционного проекта в годы Холодной войны не удалось обнаружить достаточного количества карикатур, содержащих соответствующие образы. Это свидетельствует о том, что европейские интеграционные проекты – в отличие от отдельных государств – нельзя рассматривать в качестве конституирующих «Других» исландской стратегической культуры в 1945–1991 гг.

³⁷ Churchill W. S. The United States of Europe. *The Saturday Evening Post*. 15.02.1930. (“We are with Europe, but not of it. We are linked but not comprised. We are interested and associated but not absorbed.”)

³⁸ *Morgunblaðið*, 17.11.2008. [P. 31].

³⁹ *Vísir*, 06.09.2010. [P. 32].

⁴⁰ *Vísir*, 01.12.2011. [P. 33].

⁴¹ *Vísir*, 25.11.2011. [P. 34].

стве *запретного плода* (зона евро представлена в виде яблока на дереве соседа⁴²) и родственная этому образу реминисценция на сюжет *поклонения волхвов* (см. рис. 5)⁴³ символизируют симпатию Рейкьявика по отношению к европейскому интеграционному проекту.

Рисунок 5. Используя приём фальшивой цитации, карикатурист высмеивает политику премьер-министра Йоханны Сигурдардоттир: «Быстрее! Туда! Надо успеть, пока они все не упали и мы не утратили ориентир!», 2011 г.

Figure 5. The cartoon mocks the policy of Prime Minister Jóhanna Sigurdardóttir: “Faster! Over there! We have to get there before they all fall and we lose our reference point!”, 2011

Точной характеристикой сформировавшейся двойственности восприятия ЕС стало изображение Исландии в виде женщины, которая с 1992 г. сожительствует с мужчиной, уже родила ему двух дочерей и сына по имени Шенген, но до сих пор не готова выйти замуж⁴⁴.

⁴² *Vísir*, 07.07.2010. [P. 35].

⁴³ *Morgunblaðið*, 02.11.2013. [P. 36].

⁴⁴ *Vísir*, 08.07.2010. [P. 37].

В то же время отсутствие конфронтационных мотивов в отношениях Рейкьявика с Лондоном практически нивелировало инаковость визуального образа Великобритании. Единственным её проявлением стало уничижительное изображение британских премьер-министров, участвовавшее во время экономического кризиса и на фоне брекзита⁴⁵.

В 2014 г. в число «Других» вошла Россия, которая остаётся там до сих пор. Заявления о причастности российских властей к катастрофе рейса *MH-17* стали причиной атрибуции военных символов к образу Российской Федерации, в большинстве случаев персонифицированному в облике президента В.В. Путина⁴⁶. Примечательно, что возвращение России в категорию «Других» исландской стратегической культуры вновь побудило художников к использованию образа *медведя*⁴⁷.

Помимо этого, европейский миграционный кризис 2015 г. привёл к ситуативной вспышке образов новых «Других»: ближневосточных беженцев и экстремистов⁴⁸. В этой связи использование образов Б. Нетаньяху и Ким Чен Ына, в свою очередь, также является признаком постепенной «глобализации» стратегической культуры Исландии и расширения сферы стратегического восприятия.

Анализ визуальных образов, характеризующих среду, в которой происходит взаимодействие Исландии с «Другими», позволяет сделать вывод о наличии устойчивых символов, которые проявляются как во время Холодной войны, так и после её окончания. Традиционным символом анархии как имманентного качества международной среды является образ окружившего Исландию *моря*⁴⁹. Классический библейский мотив всемирного потопа⁵⁰ переплетается здесь с отдалённым географическим положением островной Исландии и социальными реалиями: ещё в середине XX в. умение плавать было редким навыком среди исландцев, что побудило парламент принять закон о обязательных занятиях плаванием для школьников⁵¹.

Кризисные тенденции в этой связи могут изображаться в виде *кораблекрушения*⁵², а для эмоционального усиления привлекаются образы *шторма*⁵³ и *акул*⁵⁴. На одной из карикатур эпохи «тресковых войн» именно в сторону

⁴⁵ См., например: *Morgunblaðið*, 18.11.2008. Bls. 10. [P. 38]; *Vísir*, 19.06.2017. [P. 39].

⁴⁶ *Vísir*, 08.07.2015 [P. 40]; *Vísir*, 04.08.2015 [P. 41]; *Vísir*, 10.10.2017 [P. 42].

⁴⁷ *Vísir*, 20.04.2018 [P. 43].

⁴⁸ *Vísir*, 21.04.2015 [P. 44]; *Vísir*, 17.11.2015 [P. 45]; *Vísir*, 15.02.2016 [P. 46]; *Vísir*, 02.07.2016 [P. 47].

⁴⁹ См., например: *Morgunblaðið*, 03.01.2008. Bls. 10. [P. 48]; *Morgunblaðið*, 08.10.2008. Bls. 10. [P. 49]; *Morgunblaðið*, 04.11.2008. Bls. 10. [P. 50]; *Vísir*, 02.06.2018. [P. 51].

⁵⁰ *Morgunblaðið*, 25.02.1976. Bls. 6. [P. 52].

⁵¹ Iceland's Water Cure. *The New York Times*. 19.04.2016.

⁵² *Morgunblaðið*, 23.09.2012. Bls. 8. [P. 53]; *Vísir*, 22.03.2019. [P. 54].

⁵³ *Þjóðvillinn*, 26.09.1958. Bls. 6. [P. 55]; *Vísir*, 22.08.2015. [P. 56].

⁵⁴ *Morgunblaðið*, 03.01.2008. Bls. 10. [P. 48]; *Morgunblaðið*, 04.11.2008. Bls. 10. [P. 50].

акулы толкает Исландию премьер-министр Великобритании Дж. Кэллаган, приговорив исландского матроса к «прогулке по доске» – популярному у пиратов способу казни (см. рис. 6)⁵⁵.

Рисунок 6. Уникальная карикатура объединяет почти все популярные «морские» метафоры стратегической культуры Исландии. Среди них – море, акула, спасательный круг и британский военный корабль.

Figure 6. The cartoon combines almost all the popular “maritime” metaphors of Iceland’s strategic culture: the sea, the shark, the lifeboat and the British warship.

Если для описания анархии международной среды Дж. Миршаймер использовал известный афоризм о том, что в случае агрессивного поведения одного из государств, другие не могут вызвать полицейского, чтобы восстановить порядок⁵⁶, то для Рейкьявика таким полицейским всё же является НАТО: визуальное выражение безальтернативной необходимости формализованного военно-политического сотрудничества для выживания Исландии в бурном

⁵⁵ *Morgunblaðið*, 25.02.1976. Bls. 5. [P. 57].

⁵⁶ Так называемая «Проблема 911», см.: (Conversations in International Relations... 2006: 232).

море международной среды осуществляется путём изображения *спасательного круга*⁵⁷. Таким образом, спасательный круг как иллюстрация опоры Рейкьявика на взаимодействие с внешними проводниками безопасности является символическим выражением разработанной исландскими аналитиками теории убежища (англ. *shelter theory*), в соответствии с которой малые государства вынуждены компенсировать внутренние слабости и внешний недостаток материальных ресурсов, необходимых для выживания в условиях международной анархии, посредством углубления сотрудничества с более влиятельными государствами и многосторонними военно-политическими институтами⁵⁸.

В таких условиях, изображая самих себя, исландцы прибегают к автовиктимизации и используют подчёркнуто «слабые» и безоружные образы⁵⁹. Редкий случай изображения персонифицированного образа послевоенной Исландии с оружием – *кортик* на поясе министра иностранных дел Бьярни Бенедиктссона как средство самообороны⁶⁰.

Действительно, несмотря на устойчивую традицию нейтралитета, для исландской стратегической культуры не характерен абсолютный пацифизм. Для описания такого подхода к военной силе подходит предложенная А.Д. Богатуровым формулировка «минимально вооружённый нейтралитет» (Богатуров и др. 2010: 20). При этом историческая традиция, культурное наследие и укрепление скандинавской идентичности в исландской стратегической культуре создают отдалённые предпосылки для перехода Рейкьявика от политики «минимально вооружённого нейтралитета» к «максимально пацифистскому милитаризму» в случае серьёзной эскалации напряжённости в Северной Атлантике: единственным положительным из всех вооружённых персонажей в исландской карикатуре является *храбрый викинг*⁶¹ – положительный образ прошлого исландцев, географических открытий и территориальной экспансии. Актуализация этого образа в годы Холодной войны происходила в условиях нарастания напряжённости из-за «тресковых войн» – после 1991 г. он стал гораздо менее заметным. Однако устойчивость соответствующего мифа как элемента национальной

⁵⁷ *Morgunblaðið*, 25.02.1976. Bls. 5. [P. 52]; *Morgunblaðið*, 16.01.1980. Bls. 6. [P. 12]. *Morgunblaðið*, 24.10.2008. Bls. 10. [P. 58]; *Morgunblaðið*, 26.10.2008. Bls. 9. [P. 59].

⁵⁸ Подробнее см.: (Thorhallsson 2019). Этот подход развивает положения классиков неореализма и теории альянсов о «примыкании» (англ. *bandwagoning*) как одном из способов адаптации малых государств к структурным вызовам посредством формирования устойчивых формальных связей с великими державами.

⁵⁹ См., например: *Morgunblaðið*, 12.03.1976. Bls. 3. [P. 60]; *Morgunblaðið*, 14.03.1976. Bls. 6. [P. 61]; *Morgunblaðið*, 28.10.2008. Bls. 10. [P. 62].

⁶⁰ *Þjóðvillin*, 20.05.1951. Bls. 1. [P. 16].

⁶¹ *Morgunblaðið*, 22.02.1976. Bls. 6. [P. 63]; *Þjóðvillin*, 13.10.1974, Bls. 1 [P. 64].

идентичности и образа исландцев за рубежом⁶² всё же позволяет говорить о том, что именно он обладает наибольшим потенциалом для культурной «легитимации» потенциальной милитаризации внешнеполитического курса Рейкьявика, признаки которой начали проявляться после 2022 г.

При этом в случаях, когда наблюдается нарастание общей неопределённости, кризисных тенденций внутри исландского общества и турбулентности внешней среды (одной из таких ситуаций стал тяжёлый экономический кризис 2008–2011 гг.), в карикатуре наблюдается актуализация «оборонительного» образа острова-крепости (см. рис. 7)⁶³ и синонимичных ему метафор.

Рисунок 7. Примеры актуализации «оборонительных» метафор в ответ на внешние угрозы: экономический кризис в 2011 г. и нелегальная миграция в 2016 г. Образ оружия на левой карикатуре вновь используется для выражения несогласия автора с действиями изображённого политика

Figure 7. “Defensive” metaphors amid external threats: the economic crisis in 2011 and illegal migration in 2016. The gun in the left cartoon is again used to express the cartoonist's disagreement with the politician

Помимо этого, в таких случаях учащается визуальная репрезентация границы между Исландией и «Другим» и других символов отчуждения, в том числе – футбольных метафор как удобного средства визуализации бинарных оппозиций⁶⁴.

⁶² В частности, так называемый «хлопок викингов» (англ. *viking clap*) стал визитной карточкой исландских футбольных фанатов во время Чемпионата Европы по футболу в 2016 г. Не имея непосредственного отношения к культуре викингов, этот «боевой клич» всё равно воспринимается зарубежной публикой как элемент древнеисландской военной культуры. Подробнее см.: Исландские болельщики устроили свой знаменитый перформанс в Москве. *Sportbox.ru*. 16.06.2018. URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/world_cup/spbnews_Nl861621_Islandskije_bolelshhiki_ustroili_svoj_znamenitij_performans_v_Moskve (дата обращения: 23.09.2024).

⁶³ *Vísir*, 17.05.2011. [P. 65]; *Vísir*, 15.02.2016 [P. 46].

⁶⁴ *Vísir*, 19.11.2010. [P. 66]; *Vísir*, 12.04.2011. [P. 67].

Заключение

Таким образом, анализ трансформации особенностей восприятия и репрезентации «Других» в национальных СМИ может способствовать осмыслению универсальных мотивов внешнеполитического поведения государства.

Выделяя сквозные мотивы, проявляющиеся в стратегической культуре Исландии независимо от ситуативных изменений внешнеполитического контекста, необходимо отметить, что для исландского общества характерно ярко выраженное негативное отношение к применению военной силы для достижения политических целей: визуальный образ оружия активно используется для дискредитации «Другого».

Для описания положения Исландии в анархичной среде во времена кризисов актуализируются не наступательные, а оборонительные метафоры, используемые в контексте общего осознания материальной слабости Исландии как участника международных отношений. В условиях дефицита материальных ресурсов сосуществование образов *острова-крепости* и *спасательного круга* на символическом уровне выражает устойчивую дилемму внешней политики Исландии: необходимость балансировать между автономией и зависимостью. Именно США воспринимаются в этой связи как основной проводник безопасности, однако дальнейшее сближение с Вашингтоном считается оправданным лишь в случае неблагоприятных изменений состояния международной среды и усиления непосредственного давления на Исландию.

Тем не менее на фоне устойчивой приверженности исландского общества традиции нейтралитета для его стратегической культуры не характерен полный отказ от возможности применения силы в целях обеспечения национальных интересов: границы допустимого соответствуют пределам самообороны. При этом особенности культивируемых в национальной культуре визуально-исторических образов позволяют постулировать наличие в исландской стратегической культуре предпосылок к смягчению неприятия военной силы как элемента международной реальности в долгосрочной перспективе.

Помимо этого, в контексте происходивших в XX в. структурных изменений системы международных отношений для послевоенного развития национальной идентичности исландцев характерно последовательное формирование новых слоёв – скандинавского и трансатлантического: из сферы «Других» вышли сначала скандинавские страны, а после распада СССР и окончания эпохи биполярности – США. В этом же направлении происходит трансформация образа Великобритании: на современном этапе актуализация Лондона и Вашингтона в качестве «Других» происходит крайне редко – как правило, когда они внезапно меняют подход к международным проблемам, напрямую затрагивающим

безопасность Исландии, или ставят под угрозу дальнейшее функционирование многосторонних военных и политических механизмов, представляющих собой «убежище» для островного государства.

Вместе с тем наблюдается последовательное расширение спектра проблем, представляющих интерес для исландской аудитории, некоторые из них имеют глобальный характер. С середины XX в. стратегический кругозор исландского общества заметно расширился и в географическом смысле.

На современном этапе устойчивыми «Другими» для исландцев являются Европейский союз и Россия, что, в свою очередь, позволяет сделать прогноз о сохранении умеренного евроскептицизма в основе европейского вектора внешней политики Рейкьявика и о продолжении участия государства в многостороннем сдерживании Москвы. При этом между образами России и Советского Союза в стратегической культуре Исландии прослеживаются яркие черты преемственности.

Об авторах:

Владислав Владиславович Воротников – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76.

E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Евгений Сергеевич Панков – младший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: pankov_e_s@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Исследование проведено в рамках реализации гранта РНФ по проекту «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)», №20-78-10159.

UDC: 355.45(491.1)"1945/2024":316.77

Received: October 13, 2024

Accepted: December 15, 2024

Archetypes of Icelandic Strategic Culture: A Visual Analysis

 V.V. Vorotnikov, E.S. Pankov
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-44-68](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-44-68)

MGIMO University

Abstract: This article traces the evolution of Iceland's strategic culture from 1945 to 2024 by examining how Icelandic media visually construct the "Other." Political cartoons serve as the primary evidence base: their recurring motifs and metaphors reveal the values that underpin national security thinking.

The analysis yields three core findings. First, Icelandic strategic culture is founded on a normative aversion to force: military power is portrayed as legitimate only when exercised in self-defence. Second, this pacific norm produces a consistently defensive—rather than offensive—posture toward external threats. Third, Icelandic identity is forged relationally, through shifting depictions of major international actors.

These relational patterns unfold as follows. Between 1945 and 2024 the United States and the United Kingdom transition from suspicious "Others" to trusted allies, adding a distinct trans-Atlantic layer to Icelandic self-conception. By contrast, the Soviet Union (1945–1991) and its successor, Russia (1991–2024), remain durable cultural antagonists: Cold-War tropes such as the Russian bear continue to symbolize an assertive, menacing foreign policy. After 1991 the European Union emerges as an ambivalent figure, blending attractive and repulsive traits that mirror Reykjavik's own indecision over deeper European integration.

The cartoons also project a reflexive self-image: Icelanders emphasise their small size and material weakness while acknowledging reliance on external security guarantors—above all, the United States. Finally, the broader international environment is depicted as anarchic and inherently hazardous, reinforcing Iceland's defensive orientation and its search for reliable partners.

Keywords: strategic culture, identity, Iceland, metaphor, constructivism, symbols, semiotics, political cartoon, Cold War

About the author:

Vladislav V. Vorotnikov – PhD (Candidate of Historical Sciences), Associate Professor of Department for European and American Studies, MGIMO-University; Leading Research Fellow of the Institute for International Studies of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Evgeni S. Pankov – Intern of the Centre for European Studies of Institute for International Studies of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: pankov_e_s@my.mgimo.ru, ORCID: 0009-0003-6889-9083

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This article forms part of the research project “The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: Specificity of Its Influence on Security Policy (Case of the Scandinavian–Baltic Region),” funded by the Russian Science Foundation, grant No. 20-78-10159.

References:

- Callahan W.A. 2020. *Sensible Politics: Visualizing International Relations*. New York: Oxford University Press. 364 p.
- Campbell D. 1992. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. University of Minnesota Press. 308 p.
- Conversations in International Relations: Interview with John J. Mearsheimer (Part II). 2006. *International Relations*. 20(2). P. 231–243. DOI: 10.1177/0047117806063851.
- Dalgaard-Nielsen A. 2005. The Test of Strategic Culture: Germany, Pacifism and Pre-Emptive Strikes. *Security Dialogue*. 36(3). P. 339–359. DOI: 10.1177/0967010605057020.
- Eitelhuber N. 2009. The Russian Bear: Russian Strategic Culture and What it Implies for the West. *Connections*. 9(1). P. 1–28. DOI: 10.11610/Connections.09.1.01.
- Endres F. 2018. *Öffentliche Meinung und strategische Kulturen. Außenpolitische Überzeugungen in Deutschland, Frankreich und Großbritannien*. Wiesbaden: Springer. 244 p.
- Gray C.S. 1999. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back. *Review of International Studies*. 25(1). P. 49–69.
- Green J.A. 2022. The Rise of Twiplomacy and the Making of Customary International Law on Social Media. *Chinese Journal of International Law*. 21(1). P. 1–53. DOI: 10.1093/chinesejil/jmac007.
- Hálfðanarson G. 2011. “The Beloved War”: The Second World War and the Icelandic National Narrative”. *Nordic Narratives of the Second World War: National Historiographies Revisited*. Ed. by Stenius H., Österberg M., Östling J. Lund: Nordic Academic Press. P. 89–100.
- Johnston A.I. 1995a. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton University Press. 307 p.
- Johnston A.I. 1995b. Thinking about Strategic Culture. *International Security*. 19(4). P. 32–64. DOI: 10.2307/2539119.
- Johnston A.I. 1999. Strategic Cultures Revisited: Reply to Colin Gray. *Review of International Studies*. 25(3). P. 519–523.
- Jóhannesson G.Th. 2004. To the Edge of Nowhere? U.S.–Icelandic Defense Relations During and after the Cold War. *Naval War College Review*. LVII(3/4). P. 115–137.
- Kanet R.E. 2019. Russian Strategic Culture, Domestic Politics and Cold War 2.0. *European Politics and Society*. 20(2). P. 190–206. DOI: 10.1080/23745118.2018.1545184.
- Keohane R.O. 1969. Review: Lilliputians’ Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*. 23(2). P. 291–310.
- Klein B.S. 1988. Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defence Politics. *Review of International Studies*. 14(2). P. 133–148.
- Klein Y. 1991. A Theory of Strategic Culture. *Comparative Strategy*. 10(1). P. 3–23.
- Kuznar L.A., Heath N., Popp G. 2023. Strategic Culture – Its History, Issues, and Complexity. *NSI Inc. Prepared for Strategic Multilayer Assessment, Joint Staff*. J3. 22 p.
- Larsen J.A. 2006. *Comparative Strategic Cultures Project: Assessing Strategic Culture as a Methodological Approach to Understanding WMD Decision-Making by States and Non-State Actors*. Washington, D.C.: Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office. 457 p.

Longhurst K. 2018. *Germany and the Use of Force: The Evolution of German Security Policy 1990–2003*. Manchester University Press. 244 p.

Matlary J.H. 2006. When Soft Power Turns Hard: Is an EU Strategic Culture Possible? *Security Dialogue*. 37(1). P. 105–121. DOI: 10.1177/0967010606064140.

Nuechterlein D. 1961. *Iceland: Reluctant Ally*. New York: Cornell University Press. 213 p.

Snyder J. 1977. *The Soviet Strategic Culture. Implications for Limited Nuclear Operations*. Rand Corporation. R-2154-AF. September. 40 p.

Steinsson S. 2016. The Cod Wars: a re-analysis. *European Security*. P. 1–20. DOI: 10.1080/09662839.2016.1160376.

Thorhallsson B. 2019. *Small States and Shelter Theory: Iceland's External Affairs*. New York: Routledge. 242 p.

Twining D.T. 1989. Soviet Strategic Culture – The Missing Dimension. *Intelligence and National Security*. 4(1). P. 169–187.

Wendt A. 1995. Constructing International Politics. *International Security*. 20(1). P. 71–81.

Whitehead B. 2006. Hlutleysi Íslands á hverfanda hveli, 1918–1945. *Saga*. 44(1). Bls. 21–64.

Alekseeva T.A. 2012. Strategicheskaya kul'tura: evolyuciya koncepcii [Strategic Culture: Evolution of the Concept]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 130–147. (In Russian).

Batalov E.Ya., Zhuravleva V.Yu., Hozinskaya K.V. 2009. "Rychashchij medved" na "dikom Vostoke" (obrazy sovremennoj Rossii v rabotah amerikanskikh avtorov: 1992—2007) ["Roaring Bear" in the "Wild East" (Images of Modern Russia in the Works of American Authors: 1992–2007)] Moscow: ROSSPEN. 380 p. (In Russian).

Bogaturov A.D., Dundich A.S., Troickij M.A. 2010. *Centralnaya Aziya: "otlozhennyj nejturalitet" i mezhdunarodnye otnosheniya v 2000-h godah* [Central Asia: "Deferred Neutrality" and International Relations in the 2000s]. Moscow: NOFMO. 99 p. (In Russian).

Chekov A.D. 2023. Estonskaya «pribaltiyskost» kak social'nyj konstrukt: smysly i kontekstual'naya specifika [Estonian "Balticness" as a Social Construct: Meanings and Contextual Specificity]. *Baltic Region*. 15(1). P. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3. (In Russian).

Gurevich A.Ya. 1972. *Kategorii srednevekovoj kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo. 318 p. (In Russian).

Khrustal'ov D.G. 2011. Proiskhozhdenie "russkogo medvedya" [The Origin of the "Russian Bear"] Moscow: NLO. №107. P. 137–152. (In Russian).

Kokoshin A.A. 2018. *Voprosy prikladnoj teorii vojny* [Issues in Applied War Theory]. Moscow: HSE. 227 p. (In Russian).

Kurilla I.I. 2018. *Zaklyatye druzya. Istoriya mnenij, fantazij, kontraktov, vzaimo(ne)ponimaniya Rossii i SSHA* [Sworn friends. A History of Opinions, Fantasies, Contracts, and Mutual (Non) Understanding of Russia and the United States]. Moscow: NLO. 424 p. (In Russian).

Kucherov M.A., Kharkevich M.V. 2023. "Narodnaya sekyuritizaciya": vizualnyj povorot v issledovaniyah bezopasnosti ["Popular Securitization": A Visual Turn in Security Research]. *Lomonosov World Politics Journal*. 15(4). P. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83. (In Russian).

Loshkarev I.D., Kuchuk A.V. 2022. Strategicheskaya kul'tura Pol'shi: variacii i ih otrazhenie v oficial'nom diskurse [Poland's Strategic Culture: Variations and their Reflection in Official Discourse]. *Contemporary Europe*. 4(111). P. 37–49. DOI: 10.31857/S0201708322040039. (In Russian).

Mamedova A.O. 2013. Simvol'y vojny i mira v sovetskom politicheskom plakate i karikature perioda "holodnoj vojny" [Symbols of War and Peace in Soviet Political Posters and Cartoons of the Cold War Period]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. №1. P. 110–115. (In Russian).

Uspenskij V.M. 2012. Tipologiya izobrazhenij russkih medvedej v evropejskoj karikature XVIII — pervoj treti XIX vv. *“Russkij medved”: istoriya, semiotika, politika*. Ryabov O.V., De Lazari A. (ed.) [Typology of Images of Russian Bears in European Caricature of the 18 – First Third of 19 Centuries. “Russian bear”: History, Semiotics, Politics]. Ryabov O.V., De Lazari A. (ed.). Moscow: NLO. P. 87–105. (In Russian).

Vorotnikov V.V. 2021. Nacionalnyj istoricheskij mif kak element strategicheskikh kultur gosudarstv Baltii: na primere tematiki pochtovyh marok [National Historical Myth as an Element of Strategic Cultures of the Baltic States: the Example of Postage Stamps]. *The Journal of Education and Science “ISTORIYA”*. 12(7(105)). DOI: 10.18254/S207987840016559-3. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Алексеева Т.А. 2012. Стратегическая культура: эволюция концепции. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 130–147.

Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. 2009. *«Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992—2007)*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 380 с.

Богауров А.Д., Дундич А.С., Троицкий М.А. 2010. *Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах*. Москва: НОФМО. 99 с.

Воротников В.В. 2021. Национальный исторический миф как элемент стратегических культур государств Балтии: на примере тематики почтовых марок. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 12(7(105)). DOI: 10.18254/S207987840016559-3.

Гуревич А.Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство. 318 с.

Кокошин А.А. 2018. *Вопросы прикладной теории войны*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 227 с.

Курилла И.И. 2018. *Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контрактов, взаимо(не)понимания России и США*. Москва: Новое литературное обозрение. 424 с.

Кучеров М.А., Харкевич М.В. 2023. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 15(4). С. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83.

Лошкарев И.Д., Кучук А.В. 2022. Стратегическая культура Польши: вариации и их отражение в официальном дискурсе. *Современная Европа*. 4(111). С. 37–49. DOI: 10.31857/S0201708322040039.

Мамедова А.О. 2013. Символы войны и мира в советском политическом плакате и карикатуре периода Холодной войны. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. №1. С. 110–115.

Успенский В.М. 2012. Типология изображений русских медведей в европейской карикатуре XVIII — первой трети XIX вв. *«Русский медведь»: история, семиотика, политика*. Рябов О.В., Де Лазари А. (ред.) Москва: Новое литературное обозрение. С. 87–105.

Хрусталёв Д.Г. 2011. Происхождение «русского медведя». *НЛО*. № 107. С. 137–152.

Чеков А.Д. 2023. Эстонская «прибалтийскость» как социальный конструкт: смыслы и контекстуальная специфика. *Балтийский регион*. 15(1). С. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3.